

24 февраля исполняется 80 лет со дня рождения советского писателя и драматурга Всеволода Иванова (1895—1963).

Его повести, романы, пьесы широко известны у нас в стране и за рубежом. В Советском Союзе они из-

давались 188 раз общим тиражом 5 миллионов 225 тысяч экземпляров на 21 языке народов мира.

В этом году издательство «Советский писатель» готовит дополненное издание сборника «Всеволод Иванов — писатель и человек. Воспоминания».

ИССЛЕДОВАТЕЛИ пишут о Всеволоде Иванове — романисте, драматурге, новеллисте, чей талант был ярким и блистательно разнообразным. Друзья вспоминают об Иванове-человеке, обладавшем редким даром доброты и душевной чуткости... Но есть еще один «ракурс зрения» на жизнь и судьбу известного писателя: по точному наблюдению мемуариста философа В. Ф. Асмуса, который хорошо знал Всеволода Иванова, — «нигде цельность его натуры не сказывалась с таким пленительным изяществом, как в его отношении к книгам».

Книга! Это была единственная и главная школа. Как к чему-то сокровенному таянулся он в детстве к тоненьким брошюрам, которые на выпрошенные у отца пятаки покупал на сельской ярмарке. Книжки были с Ивановым во время его бесконечных скитаний по белому свету. Всеволод Вячеславович вспоминал позже: «...Я таскал за собой всюду полмешка книг — главным образом классиков, приложения к журналу «Нива». Толкучка продавала эти книжки на вес — тридцать копеек пуд. Я читал и про себя, и вслух неграмотным товарищам по работе. Если кто просил книгу, я отдавал ее охотно».

Книга определила жизненные «координаты» Всеволода Иванова. Любовь к книге привела юношу в типографию, где он быстро овладел едва ли не всеми типографскими профессиями. Об этой поре жизни с прозой и легкой печалью писатель рассказывал в своих произведениях, а в одной из автобиографий заметил коротко: «Работал много лет — с перерывами — до 1920 года в сибирских типографиях и закончил типографское свое совершенство газетным выпускающим». Отличное знание типографского производства помогало Всеволоду Вячеславовичу в его редакционно-издательской деятельности: долгие годы Иванов был членом редколлегии различных журналов, участвовал в работе многих издательств. Это интереснейшая страница в творческой биографии автора «Партизанских повестей». Он считал издательскую работу делом в высшей сте-

пени творческим, «ибо без страсти, — не сомневался он, — нельзя не только писать книги, но и издавать их». Иванов часто критикует книги, изданные «без страсти», и людей, выпускающих их, — критикует за неуважение к авторам, за низкую профессиональную культуру. Но он

собирал удивительную свою библиотеку. Здесь было редчайшее собрание лубков и антикварных русских книг.

Вдова писателя Тамара Владимировна Иванова вспоминает: «Подбор книг соответствовал его широкому и разнообразным интересам и проблемам, которые он ставил перед собой, работая над тем или иным произведением».

Во время войны, в начале сорок второго года, сгорела в Переделкине арендуемая нами у Литфонда дача, где у

сатель и современность». И вспоминая, что когда-то сочинителей, принимали за волшебников, тихо, с надеждой добавляет: «Мне думается, и по сей час этот ореол не исчез совсем: блестящие, робкие звездочки, кое-где сверкают на пиджаках, крахмальных и некрахмальных рубашках пишущих книги — и читающих их».

Всеволода Иванова завораживал сам процесс создания книги, он казался писателю почти чудодейством: «И не волшебство ли, когда ваши исписанные листы, пройдя сквозь машины, превращаются в сброшюрованные страницы, во все то, что называется кратко — книга?»

Всеволод Иванов не раз слагал восторженную песню книге. Песня эта звучит и в его публицистике, и в его художественных произведениях. Один из ранних рассказов писатель так и назвал — «Книга».

Предметом особой любви Вс. Иванова была старая книга. И не случайно он являлся одним из инициаторов издания бюллетеня «о пользе и важности старой и антикварной книги», как писал Вс. Иванов Горькому в феврале 1933 года.

Многочисленно в 30—50-е годы Всеволод Вячеславович продумывал проект создания экспериментального журнала прозы и поэзии. «Пусть этот журнал будет нашей лабораторией, — размышлял писатель. — Ученые ведь имеют лаборатории. Почему же мы не можем иметь журнал лабораторного свойства?» В конце 30-х годов «для развития жанра научно-фантастического и приключенческого романа» Вс. Иванов предложил издавать большой журнал, где бы сотрудничали видные писатели, ученые, художники. А в 1954 году писатель выдвинул очень интересный проект издания серии типа «Всемирная литература».

...В одной из своих последних статей Всеволод Иванов писал о будущем читателе, о том, как книгу «прочтет незнакомый мне человек. Возможно, прочтет на языке, которого я, автор этой книги, не знаю и никогда не узнаю». Но, может быть, мечтал Всеволод Иванов, этот завтрашний читатель «вообразит меня по-хорошему, по-доброму, вообразит мою отчизну, народ, который породил меня, дал мне жизнь, мысль и слово — дал мне подвиг жизни!»

Е. ЦЕИТЛИН.

Омск.

ТАИНСТВЕННОЕ ДЕЛО — КНИГИ...

К 80-летию со дня рождения Всеволода Иванова

радостно отмечает все факты любовного, творческого отношения к книге, факты инициативы, поиска в книжном деле. В докладе на Международном конгрессе писателей в защиту культуры Вс. Иванов рассказывает о маленьком сельском издательстве, возникшем в Старожилковской МТС. Об издательстве, где «каждая книга рождается в муках. Типография помещается в избе. Набирают при свете керосиновых ламп. Зачастую не хватает букв одного шрифта и приходится заканчивать строчку другим». Иванов с волнением и гордостью называет книги, вышедшие с грифом «Село Вороново», их авторов: кузнеца, учителя, счетовода, кладовщика, председателя сельсовета, тракториста, работниц яслей, жатки...

Именно высокая любовь к книге в огромной степени определила и многие раздумья Всеволода Иванова, разносторонние длительные его занятия — теорией словесности, древней философией, историей религии... Вся жизнь Иванова была отмечена поразительной, страстной тягой к знаниям. Современники отмечают изумляющую всех его образованность, но одновременно и то, с каким редким постоянством жаловался всегда Вс. Иванов на недостаток своего образования. Долгие годы, беспрестанно, он впитывал новые и новые знания. И почти сорок лет

Всеволода была собрана редчайшая библиотека, примерно 12 тысяч томов книг.

Однако к концу жизни Всеволод вновь собрал большую библиотеку, огромное количество книг которой испещрено его пометками и размышлениями на полях.

После смерти Всеволода Иванова были опубликованы его дневники — теперь мы можем представить многолетние духовные искания писателя. Мы лучше понимаем и корни его особенного отношения к книге. «Я всегда был расточителен и все реже и реже жадным, — размышлял Вс. Иванов. — Но жадность на книги оставалась всегда, а сейчас она обострилась. Конечно же! Дикари ничто так не любят, как оружие. В современном обществе книгой можно ловчее убить человека, чем самым острым кинжалом».

Многие высказывания Всеволода Иванова о книге воспринимаются сейчас как исповедь — они были определены самой природой дарования писателя, особенностями его натуры.

Всеволод Иванов видел книгу в некоем романтическом ореоле. Восторг, удивление перед книгой он пронес через всю жизнь.

«Таинственное дело — книги. Таинствен и странен человек, пишущий книгу, — читающий ее не менее странный», — замечает Всеволод Вячеславович в статье «Пи-